

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Ланко

«Страна богатых
и образованных»:
образование
как фактор финского
экономического чуда

Препринт М-62/18

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2018

УДК 330.34
ББК 65.9(4Фин)
Л 22

Л 22   Ланко Д. А.

«Страна богатых и образованных»: образование как фактор финского экономического чуда / Дмитрий Ланко : Препринт М-62/18. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 44 с. — (Серия препринтов; М-62/18; Центр исследований модернизации).

В докладе рассматривается образование как важнейший фактор финского экономического чуда. В качестве показателя финского экономического чуда была выбрана производительность труда, которая неизменно росла на протяжении XX — начала XXI вв. (за исключением последнего десятилетия). Уровень образования вместе с притоком капитала и уровнем технологического развития является важнейшим фактором роста производительности труда. Взаимосвязанность роста уровня образования и роста производительности труда в Финляндии в последние двести лет анализируется отдельно по пяти историческим этапам: (1) от включения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи до Крымской войны, (2) от Крымской войны до Первой мировой войны, (3) от Первой мировой войны до Второй мировой войны, (4) от Второй мировой войны до распада Советского Союза, (5) от распада Советского Союза до наших дней

Информация об авторе: Ланко Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

В 2017 г. Финляндия праздновала столетие собственной независимости. Независимой она стала в результате распада Российской империи в 1917 г., что, в свою очередь, оказалось следствием Октябрьского переворота, приведшего к власти в России большевиков. Столетие независимости обусловило повышенное внимание к Финляндии со стороны средств массовой информации, а также социальных сетей. Эти публикации помогли значительно расширить знания о Финляндии тех жителей России, а особенно ее Северо-Западного региона, чей связанный с Финляндией опыт ранее ограничивался исключительно шопингом. При этом часть этих публикаций способствовала распространению мифов о Финляндии, как это часто происходит в условиях бурного информационного потока, взбаламученного важным информационным поводом — например, круглой датой.

Один из этих мифов гласит, что если в Российской империи Великое княжество Финляндское было одной из наиболее беднейших провинций, то за сто лет с момента освобождения от российского владычества на территории Финляндии образовалось государство, в наибольшей степени благоприятствующее проживанию здесь людей как в экономическом, так и в политическом плане. Это не совсем так. Следует сразу оговориться, что автор настоящего текста не планирует подвергать критическому разбору достижения современной Финляндии в политической, экономической и других сферах. Совершенно избежать упоминания существующих в современной Финляндии проблем здесь не удастся, однако эти проблемы не умаляют положительных аспектов финляндской политики и экономики. Автор полностью согласен с героем Э. Лу, который, пусть и не был никогда в Финляндии, написал книгу о том, что Финляндия — «лучшая страна в мире» [Лу 2002].

Скорее, вызывает недоумение предположение о том, что в Российской империи Великое княжество Финляндское было «одной из беднейших провинций». Ведь даже с точки зрения климата Финляндия не была наименее благоприятной частью Российской империи для ведения сельского хозяйства. Однако экономика Финляндии в 1917 г. не строилась исключительно на сельском хозяйстве, в стране существовали и про-

мышленные предприятия, и банки, и т. д. С политической точки зрения к 1917 г. в Финляндии уже появился парламент, избираемый на основе прямого всеобщего тайного голосования, в котором принимали участие также и женщины, — она стала первой европейской страной, где женщины получили право голоса. Наконец — и с точки зрения целей и задач настоящей работы это представляется принципиально важным — в Финляндии по состоянию на 1917 г. существовал университет. Немного частей Российской империи могли похвастаться этим.

Несомненно, за сто лет независимости экономика Финляндии бурно росла. Можно выделить три основных периода экономического роста: в межвоенный период, в послевоенный период и в 1990–2000-х гг. Однако точно так же, как нельзя объяснить причины экономического роста в Финляндии на рубеже XXI в. без обращения к экономической истории страны периода «холодной войны», а послевоенный рост — без обращения к экономической истории межвоенного периода, невозможно объяснить причины экономического роста в межвоенный период без обращения к экономической истории страны второй половины XIX в., а рост этого периода — без обращения к опыту начала XIX в. Таким образом, здесь будет изложена история финского экономического успеха не за сто, но за двести лет — с момента перехода территории нынешней Финляндии из-под власти шведской под власть российской короны, — разбитая на пять вышеназванных этапов.

В 1809 г. Финляндия стала российской, а в 1820 г. в ней появилась первая ткацкая фабрика по английскому образцу. Сегодня нельзя однозначно сказать, ускорил ли переход Финляндии под власть российской короны модернизацию в стране или, наоборот, стал препятствием для модернизации. В самом деле, невозможно утверждать, что, если бы Финляндия осталась под властью Швеции, первая ткацкая фабрика появилась бы в Финляндии уже в 1810 г. Равно как невозможно утверждать, что, если бы Финляндия осталась под властью Швеции, первая ткацкая фабрика появилась бы здесь только в 1830 г. Представляется, что первая ткацкая фабрика появилась в Финляндии именно в 1820 г. не благодаря переходу страны под власть российской короны, но и не вопреки этому, а потому, что волны модернизации, распространявшиеся с конца XVII в. из центров модернизации, расположенных в Западной Европе, концентрическими кругами в начале XIX в. добрались наконец и до Финляндии, расположенной далеко на северо-востоке Европы.

С момента появления в Финляндии первой ткацкой фабрики экономика страны росла с перерывами на кризисы и войны. В качестве

важнейшего показателя этого роста в данной работе выбрана производительность труда, несмотря на все противоречия, связанные с использованием данного индикатора, которые будут обсуждены в первой части работы. Во второй части работы будут рассмотрены основные факторы роста производительности труда, одним из которых является рост уровня образования населения. С одной стороны, образованное население способно создавать новые технологии, стимулирующие рост производительности труда. С другой стороны, образованное население способно, не изобретая велосипед, эффективно использовать технологии, привносимые извне в процессе модернизации. Этот вывод подтверждается и опытом Финляндии. Зачастую сами финны, с гордостью признавая, что их страна — богатая, тут же добавляют: и образованная [Kuusela 2017].

Если в первых двух частях работы обсуждается подход, применяемый здесь к анализу развития экономики Финляндии за двести лет, то каждая из последующих пяти частей посвящена конкретному периоду в истории Финляндии — начиная с царствования императоров Александра I и Николая I и заканчивая экономическим бумом конца XX — начала XXI в. и стагнацией последнего десятилетия. При рассмотрении каждого периода внимание уделяется трем аспектам. Во-первых, важнейшие события политической истории страны, образующие контекст, в котором развивалась ее экономика в каждый конкретный период. Во-вторых, важнейшие экономические тенденции, характерные для каждого периода, а также предприятия, чье появление или расцвет в соответствующий период символизирует развитие в этот период экономики страны в целом. Наконец, в-третьих, важнейшие изменения в системе образования страны, включая школьное образование и высшие учебные заведения.

Технологическое развитие и производительность труда

Важнейшим показателем состояния национальной экономики является динамика валового внутреннего продукта. В случае, если в той или иной стране наблюдается рост валового внутреннего продукта, говорят о росте экономики в этой стране. Если же в стране на протяжении нескольких кварталов или даже лет подряд наблюдается уменьшение валового внутреннего продукта, то говорят об экономическом кризисе. Производительность труда, определяемая как отношение валового внутреннего

продукта к числу занятых в экономике, используется в качестве показателя состояния национальной экономики гораздо реже. Некоторые либеральные экономисты вообще не обращаются к данному показателю, как представляется, из-за коннотаций с марксизмом-ленинизмом. Ведь В. И. Ленин полагал, что «капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [Ленин 1919: 21].

Далеко не все либеральные экономисты избегают обращений к производительности труда как к показателю состояния экономики. Например, по мнению А. Л. Кудрина, производительность труда помогает объяснить взаимосвязь между технологической отсталостью и бедностью [Разуваев 2017]. В свою очередь, некоторые левые экономисты в России также предпочитают избегать обращения к производительности труда как к важнейшему показателю состояния экономики, помня о том, что СССР вопреки предсказаниям В. И. Ленина так и не смог создать новую производительность труда, которая превысила бы производительность труда в ведущих капиталистических странах — в первую очередь в США. Вместе с тем представляется, что в ряде случаев производительность труда (не вместо, но вместе с ВВП) является важнейшим показателем, позволяющим точно охарактеризовать состояние экономики в данный момент времени.

Как правило, рост ВВП сопровождается ростом производительности труда, а снижение ВВП — снижением производительности труда. Однако в ряде случаев снижение ВВП на душу населения сопровождается ростом производительности труда, что позволяет говорить о скором завершении кризиса и начале фазы быстрого экономического роста. Напротив, в ряде случаев рост ВВП на душу населения сопровождается снижением производительности труда, что позволяет говорить о скором завершении периода экономического роста и о приближении кризиса. В случае, если быстрый рост ВВП на душу населения продолжается на протяжении более пяти лет, однако темпы прироста производительности труда значительно отстают от темпов прироста ВВП, как это происходило, например, в России в 2000–2013 гг., не представляется возможным говорить, что экономический рост носит устойчивый характер.

В самом деле, в 2000 г. ВВП на душу населения в России (здесь и далее расчет показателей производится в *constant 2011 PPP \$*, используются данные Всемирного банка — data.worldbank.org) составлял 14 050 долларов США, в 2013 г. — в год, охарактеризованный А. П. Заостровцевым как «пик процветания путинской России» [Заостровцев 2016: 3] —

этот показатель составил 25 144 доллара США. Производительность труда в России в 2000 г. составляла 29 760 долларов США на одного занятого россиянина, в 2013 г. этот показатель составил 46 773 доллара США. Таким образом, если за тринадцать лет ВВП вырос на 79 %, то производительность труда — всего на 57 %. Отставание роста производительности труда от роста национальной экономики стало одним из основных факторов того, что последовавший за 2013 г. экономический кризис ударил по российской экономике больше, чем ожидалось в 2014 г.

В свою очередь, производительность труда в Финляндии в 1991 г. — в год распада Советского Союза, от состояния экономики которого, как будет показано ниже, экономика Финляндии зависела в значительной мере в годы «холодной войны», — составляла 55 767 долларов США на одного занятого. В тот год по этому показателю Финляндия находилась на 37-м месте в мире, лишь незначительно опережая Россию, где в последний год существования СССР производительность труда составила 41 022 доллара США на одного занятого, что обеспечило России 51-е место в рейтинге по данному показателю. В 2007 г. — накануне мирового экономического кризиса 2008 г. — производительность труда в Финляндии составляла 88 129 долларов США на этого занятого. В последующие десять лет рост производительности труда в Финляндии не наблюдался, и в 2017 г. этот показатель составил 87 904 доллара США на одного занятого.

Несмотря на отсутствие роста по данному показателю в послекризисное десятилетие, в 2017 г. Финляндия находилась на 24-м месте в мире по производительности труда, в то время как Россия занимала лишь 60-е место. Таким образом, хотя в 2007 г. производительность труда в России и превысила аналогичный показатель 1991 г. и в последующие годы продолжала расти (спад по сравнению с предыдущим годом был зафиксирован лишь дважды — в 2009 и 2015 гг.), рост этого показателя в России отставал от среднемировых темпов роста, а в Финляндии — опережал их. И даже в период 1990–1994 гг., когда распад СССР стал одним из факторов снижения ВВП на душу населения в Финляндии на протяжении трех лет подряд, производительность труда в стране росла быстрыми темпами.

Если Всемирный банк публикует сведения о производительности труда, лишь начиная с 1991 г., то Статистический центр Финляндии предоставляет данные, начиная с 1976 г. [Statistics Finland 2016]. Согласно этим данным, в 1976–1989 гг. прирост добавленной стоимости в Финляндии обгонял прирост производительности труда: если среднегодовое

значение первого показателя за указанный период составляло 3,4%, то второго — лишь 2,9 %. В 1990–1994 гг. наблюдался отрицательный прирост добавленной стоимости при крайне высоком (3,4 % в год в среднем) приросте производительности труда. В 1995–1999 гг., наоборот, в стране наблюдался высокий темп прироста добавленной стоимости (на 4,7 % в среднем за год), в то время как прирост производительности труда снизился по сравнению с предшествующим периодом и составил в среднем 2,5 % в год.

В 2000–2007 гг. прирост добавленной стоимости снизился в среднем до 3,4 % в год, при этом рост производительности труда практически не изменился по сравнению с предшествующим периодом и составил в среднем 2,4 % в год. В 2008–2015 гг. вследствие мирового экономического кризиса 2008 г. в Финляндии наблюдался отрицательный прирост как добавленной стоимости, так и производительности труда. Лишь в 2016–2017 гг. наметилась тенденция к устойчивому приросту как добавленной стоимости, так и производительности труда, хотя пока прирост по обоим показателям не превысил 1 %. Таким образом, несмотря на то что сегодня уже можно однозначно говорить, что Финляндия преодолела последствия мирового экономического кризиса 2008 г., не представляется возможным прогнозировать высокие темпы экономического роста в ближайшие годы, поскольку, в отличие от кризиса 1990–1994 гг., в период кризиса 2008–2015 гг. не наблюдалось роста производительности труда в стране.

На динамику производительности труда оказывают влияние несколько факторов. Первый из них назвал в своем процитированном выше интервью А. Л. Кудрин — это уровень технологического развития. Первая половина 1990-х гг. и в России, и в Финляндии характеризовалась экономическим кризисом, сопровождавшимся снижением ВВП на душу населения. Однако в случае России кризис усугублялся существенным технологическим отставанием СССР от ведущих стран Запада. В Финляндии же, напротив, в первой половине 1990-х гг. активно внедрялись передовые технологии — в первую очередь в сфере телекоммуникаций, что стало важнейшим фактором быстрого экономического роста в 1995–1999 гг. Неудивительно, что пятнадцатилетний период между 1992 и 2007 гг. в экономической истории Финляндии получил название «эпохи Nokia».

В России же быстрый экономический рост начался лишь после финансового кризиса 1998 г., сыгравшего оздоравливающую роль для российской экономики. После 1998 г. Россия сумела существенно повысить уровень своего технологического развития. Во-первых, активно разраба-

тывались и внедрялись собственные новейшие технологии в наиболее конкурентоспособном (после добычи полезных ископаемых) секторе российской экономики — в военно-промышленном комплексе. Во-вторых, благодаря деятельности все того же А. Л. Кудрина на посту министра финансов экономический рост в России в 2000–2008 гг. сопровождался также укреплением рубля, что способствовало импорту технологий. В результате Россия стала лидером в сфере телекоммуникаций на постсоветском пространстве, а отдельные российские компании смогли стать конкурентоспособными и на мировом рынке информационно-коммуникационных технологий.

Говоря о развитии технологий как важнейшем факторе прироста производительности труда, нельзя понимать их лишь в узком смысле — в качестве продукта прироста естественнонаучного знания. Важную роль с точки зрения прироста производительности труда играют также социальные технологии — то есть общественные институты, возникающие в процессе модернизации экономики, общества и государства, такие как, например, независимый суд. С данной точки зрения Финляндия опережала Россию в начале 1990-х гг., и это опережение сохраняется сегодня. Демократизация, прошедшая в Финляндии в 1980-х гг., оказалась крайне успешной: если существовавший в Финляндии в начале 1980-х гг. политический режим можно (с точки зрения современных стандартов) охарактеризовать как гибридный, то в 1990-е гг. Финляндия вступила уже в качестве развитой демократии. Успехи демократизации в России за четверть века с момента распада СССР можно охарактеризовать как гораздо более скромные.

Образование и производительность труда

Помимо развития технологий, понимаемых как в узком смысле, так и широко (включая и социальные технологии), рост производительности труда обуславливается еще двумя факторами. Во-первых, это приток капитала. В годы «холодной войны» и в начале постсоветского периода финансовый сектор Финляндии характеризовался отрицательным платежным балансом; исключение составил 1978 г., когда наблюдалось положительное сальдо платежного баланса, составившее 1,875 % ВВП (использованы данные Всемирного банка — data.worldbank.org). Показателем того, что экономический кризис, связанный с распадом СССР и разрушением системы советско-финляндской двусторонней торговли,

был преодолен, стало достижение положительного сальдо платежного баланса в 1994 г. Вплоть до 2010 г. сальдо платежного баланса оставалось положительным, достигнув своего максимума в 2001 г., когда оно составило почти 10 % ВВП.

В 2011–2016 гг. сальдо платежного баланса оставалось отрицательным. По предварительным оценкам, в 2017 г. сальдо платежного баланса Финляндии вновь оказалось положительным [Statistics Finland 2017], что можно рассматривать в качестве еще одного показателя того, что затяжная рецессия, в которой оказалась экономика Финляндии в результате мирового экономического кризиса 2008 г., наконец преодолена. Следует заметить, что в случае Финляндии колебания сальдо платежного баланса зачастую не коррелируют с колебаниями темпов роста производительности труда. Так, в 1990–1994 гг. в стране наблюдались рекордно высокие темпы роста производительности труда при отрицательном сальдо платежного баланса, однако в 1994–2007 гг., несмотря на положительное сальдо платежного баланса, темпы роста производительности труда снизились.

Р. Дж. Гордон называет в качестве третьего важнейшего фактора, способствующего росту производительности труда, образование [Gordon 2017]. В своей работе, посвященной причинам невероятного улучшения жизненного стандарта, произошедшего в США за сто пятьдесят лет с конца Гражданской войны и до начала XXI в., он доказывает, что рост жизненного стандарта произошел именно благодаря непрерывному росту производительности труда, которая повышалась крайне медленно со времени провозглашения независимости США до начала Гражданской войны и которая начала расти гораздо более высокими темпами в последующий период. Рост производительности труда в США, однако, не был равномерным. С момента окончания Гражданской войны до начала Первой мировой войны ежегодный прирост производительности труда составлял в среднем 1,8 %. На протяжении полувека, в 1920–1970 гг., наблюдался ежегодный рост производительности труда в среднем на уровне 2,8 %. После завершения экономического кризиса 1970-х гг. темп роста производительности труда вновь снизился и составил в среднем 1,7 % в год.

Эти колебания темпов прироста производительности труда обуславливаются главным образом изменением значения уровня технологического развития для этого прироста. Между окончанием Гражданской войны и началом Первой мировой войны образование обеспечивало порядка четверти прироста производительности труда, приток капита-

ла — порядка трети, а темпы технологического развития — оставшиеся более 40 %. В период бурного роста темпов производительности труда в 1920–1970 гг. образование обеспечивало менее пятой части прироста производительности труда, приток капитала — чуть более 20 %, а темпы технологического развития — порядка 60 %. Однако после экономического кризиса 1970-х гг. относительное значение трех факторов для темпов роста производительности труда вернулось к цифрам, характерным для конца XIX — начала XX вв.

Вышеприведенные цифры характеризуют темпы прироста производительности труда в США, однако, судя по темпам роста жизненного стандарта в Финляндии в различные исторические периоды, можно говорить, что и для экономики этой страны были характерны схожие тенденции. Рост жизненного стандарта в Финляндии начался еще в конце XIX в., то есть когда эта страна в статусе Великого герцогства Финляндского входила в состав Российской империи. Однако в 1920-х гг., после провозглашения независимости Финляндии и завершения Гражданской войны, темпы роста жизненного стандарта значительно выросли. Частично это было связано с провозглашением независимости Финляндии и резким уменьшением экономической взаимозависимости с Россией, особенно если принять во внимание те процессы, которые происходили в 1920–1930-х гг. в советской экономике.

Однако частично это было связано с общим ростом уровня технологического развития, который обеспечил ошеломляющий экономический успех США в «революционные двадцатые», но затронул и страны Европы, включая даже Советский Союз. После завершения Второй мировой войны жизненный стандарт в Финляндии продолжал расти быстрыми темпами, произошли массовая урбанизация, резкий рост доли сектора услуг в экономике страны. Хотя экономический кризис 1970-х гг., оказавший существенное влияние на экономику многих стран Запада, в том числе США, практически не затронул Финляндию, темпы роста жизненного стандарта в этой стране снизились в 1970-е гг. и оставались низкими в 1980-е — первой половине 1990-х гг. На рубеже XX–XXI вв. жизненный стандарт в Финляндии вновь пережил период быстрого роста, однако в результате финансового кризиса 2008 г. этот рост сошел на нет, и жизненный стандарт практически не увеличивался на протяжении последующего десятилетия.

С такой тенденцией коррелируют и приведенные выше данные о темпах роста производительности труда в Финляндии, начиная с 1970-х гг. Снижение темпов роста жизненного стандарта на Западе

в 1970–1980-е гг. может служить объяснением снижению привлекательности высшего образования, которое произошло на рубеже 1980–1990-х гг. повсеместно на Западе и которое стало одной из причин кризиса университетов, охарактеризованного, в частности, Б. Ридингзом [Readings 1996]. Европейским ответом на этот кризис стал запуск в середине 1990-х гг. так называемого Болонского процесса, ориентированного на формирование общего европейского пространства образования. В период бурного роста производительности труда и жизненного стандарта на Западе в 1920–1960-е гг. одновременно имел место и расцвет образования. Имел он место и в Финляндии в указанный период, начиная с введения обязательного начального образования в 1920-е гг. и заканчивая массовым распространением высшего образования в 1960-е гг.

На протяжении полувека, в 1920–1970-е гг., привлекательность образования в целом и высшего образования в частности обуславливалась тем, что трудозатраты, связанные с получением образования, с лихвой компенсировались увеличением жизненного стандарта как непосредственно для человека, приложившего немалые усилия к получению образования, так и для населения страны в целом. Человек, затративший усилия на получение образования, мог в результате рассчитывать на гораздо более высокий уровень оплаты труда по сравнению с теми, кто не получил образования, на менее продолжительный рабочий день, а также на гораздо более комфортные условия труда — не на морозе или в пыльном цеху промышленного предприятия, но в отапливаемом офисе. В результате спрос на образование был высоким, и от государства — а в случае Финляндии система образования является практически полностью государственной — требовались лишь незначительные усилия, нацеленные на повышение доступности образования.

В 1970-е гг. рост производительности труда замедлился, как в Финляндии, так и в целом на Западе, благодаря чему человек, затративший усилия на получение образования, мог рассчитывать на более высокую по сравнению с необразованными оплату труда главным образом за счет увеличения продолжительности рабочего дня. Крайне высокие стандарты в сфере условий труда, достигнутые в Финляндии на протяжении XX в., сделали разницу в условиях труда между более образованными и менее образованными работниками малосущественной. В итоге многие представители молодого поколения в Финляндии в 1990-е гг. предпочли поступить на работу сразу по окончании верхней ступени среднего образования без получения высшего образования в условиях, когда получение высшего образования гарантировало практически такой же уро-

вень оплаты труда при практически таких же условиях труда, но с отсрочкой в три-пять и более лет, которые были бы затрачены на получение образования.

Хотя между образованием, наукой и ростом уровня технологического развития существует взаимосвязь, ее нельзя назвать прямой. К. Д. Голдин и Л. Ф. Катц говорят о «гонке образования и технологий» [Goldin, Katz 2007]. По их мнению, на протяжении почти всего XX в., вплоть до 1970-х гг., число образованных специалистов в США росло быстрее, чем спрос на них со стороны экономики, что привело к резкому увеличению размеров оплаты труда и жизненного стандарта, а также позволило сократить неравенство. Однако начиная примерно с 1980 г. наблюдалась обратная тенденция: рост числа образованных специалистов замедлился, а неравенство возросло. В результате, несмотря на продолжающееся повышение уровня технологического развития, число людей, способных применить новые технологии в интересах увеличения производительности труда, снизилось. Рост неравенства произошел не только в сфере жизненных стандартов, но и в сфере образования, вследствие чего США стали страной, где расположены не только лучшие, но и худшие в мире университеты.

В Финляндии рост неравенства как в сфере жизненных стандартов, так и в сфере образования был гораздо ниже. Вместе с тем, в отличие от 1990-х гг., когда качество, например, среднего образования в Финляндии практически не зависело от того, было ли оно получено в сельской школе или в школе, расположенной в элитном районе столичного мегаполиса, сегодня такая разница существует; более того, она увеличивается. Правительство Финляндии в полной мере осознает существование проблемы, в стране в настоящее время проводится очередная реформа системы образования, однако, пока она не завершена, преждевременно судить о ее результатах. Представляется упрощением утверждать, что коль скоро образование и наука связаны между собой самым тесным образом, то успешная реформа образования ведет также к приращению научного знания, что способствует ускорению роста технологического развития, а это, в свою очередь, ведет к росту производительности труда.

Во-первых, не все научные открытия, внедренные на практике, в одинаковой мере позволяют ускорять рост производительности труда. Р. Дж. Гордон в вышеупомянутой работе полагает, что если электрификация промышленного производства способствовала ускоренному росту производительности труда на протяжении полувека, вплоть до 1970-х гг., то внедрение информационно-коммуникационных технологий в эконо-

мику в конце XX в. обеспечило лишь 10-15 лет ускоренного роста производительности труда. Во-вторых, периодичность крупных научных открытий не коррелирует с темпами роста уровня технологического развития: если последний растет предсказуемыми темпами, то крупные научные открытия происходят случайно. По мнению Ю. М. Лотмана, «в привычном фразеологизме “наука и техника” союз “и” прикрывает собой отнюдь не идеальную гармонию... [но] лежит на грани глубокого конфликта» [Лотман 1992: 18].

Эпоха Финлейсона

Большая часть территории современной Финляндии вошла в состав Российской империи по итогам Русско-шведской войны 1808–1809 гг. — одного из «эпизодов» международных отношений в Европе эпохи наполеоновских войн. Тильзитский мир между Россией и наполеоновской Францией 1807 г., с одной стороны, заставил Россию присоединиться к континентальной блокаде Великобритании, а с другой — развязал России руки в войне со Швецией с целью обеспечения безопасности Санкт-Петербурга на случай нападения Швеции, граница с которой проходила, по мнению Александра I, слишком близко от российской столицы. Швеция, управляемая королем Густавом IV Адольфом, принадлежащим к Гольштейн-Готторпской династии, восходящей по женской линии к династии Ваза, находилась в союзе с Великобританией против наполеоновской Франции.

Для Швеции поражение в войне ознаменовалось сменой правящей династии: с 1810 г. фактически, а с 1818 г. и юридически во главе королевства встал наполеоновский маршал Жан-Батист Бернадотт, основавший правящую и поныне в Швеции династию Бернадоттов под именем короля Карла XIV Юхана. Кроме того, после поражения в войне 1808–1809 гг. Швеция провозгласила приверженность политике нейтралитета, от которой она отказалась юридически лишь в конце XX в. в связи со вступлением в Европейский союз в 1995 г., а в 2011 г. — также и фактически, отправив свои войска впервые более чем за двести лет участвовать в военной операции в составе международной коалиции — в войне в Ливии. Наконец — важнейший аспект этого военного поражения с точки зрения задач данного доклада — Швеция уступила России территорию современной Финляндии (за исключением территорий, уже входивших в состав России по итогам Северной войны 1700–1721 гг.), включая Аландские острова.

Несмотря на вхождение в состав Российской империи в качестве Великого княжества Финляндского, многие общественно-политические и экономические институты, действовавшие в финляндских провинциях Шведского королевства до 1809 г., сохранились [Jussila 1988]. Шведские дворяне сохранили частную собственность на большей части земельных угодий страны, лютеранская церковь сохранила свое имущество и статус доминирующей конфессии (второй важнейшей конфессией для Финляндии было православие, распространенное преимущественно на востоке страны со времен, когда эти земли были частью Новгородской республики). Руководящим органом исполнительной власти Великого княжества объявлялся Императорский финляндский сенат под председательством генерал-губернатора, однако предполагалось, что важную консультативную роль при Императорском сенате будет играть Сейм — орган представительной власти, наделенный полномочиями принятия важнейших законов страны.

В Сейме в равной пропорции должны были быть представлены все четыре основных сословия страны: аристократия (все главы аристократических родов), духовенство (все церковные иерархи), бюргерство (представители от каждого города пропорционально числу жителей) и крестьянство (по одному представителю от каждого судебного округа). Впрочем, в период правления Александра I и Николая I Сейм ни разу не созывался. Зато активно работало местное самоуправление как на уровне городов и сельских общин, так и на уровне провинций. Наконец, Великое княжество Финляндское сохранило судебную систему, существовавшую при шведском владычестве. На каждом уровне председатель суда назначался императором по предложению председателя суда вышестоящей инстанции, но судебные заседатели избирались населением, хотя процедура выбора судебных заседателей в городах и сельской местности различалась.

На протяжении всего XIX в. Финляндия оставалась преимущественно аграрной страной, причем в начале века в восточных районах страны еще использовалось подсечно-огневое земледелие, перейти повсеместно к пропашному земледелию удалось лишь к началу XX в. Основными статьями экспорта были древесина и смола, импортировались сельскохозяйственные товары, такие как кофе или табак. В юго-западной части страны из привозимого из Швеции сырья выплавлялось железо. Первая ткацкая фабрика по британскому образцу была построена в городе Таммерфорс (ныне Тампере) шотландским предпринимателем квакером Дж. Финлейсоном в 1820 г. [Selleck 1962]. Освобождение от шведского

владычества, при котором иностранная торговля осуществлялась главным образом через порт Стокгольма, способствовало развитию портов на побережье Финского и особенно Ботнического заливов.

Система образования, унаследованная со времен шведского владычества, также оставалась неизменной на территории Великого княжества Финляндского вплоть до воцарения Александра II. Важнейшей научной работой, раскрывающей особенности трансформации этой системы на протяжении XIX — начала XX вв., является монография А. Хейккинена [Heikkinen 1983], озаглавленная «От традиционной общины к гражданскому обществу: история образования в Финляндии с доисторических времен до независимости». Для финляндской историографии в целом характерно увязывание развития общественно-политических институтов с развитием системы образования. Так, Реформация — важнейшая для Финляндии общественно-политическая трансформация, которую некоторые авторы, включая Д. Я. Травина [Травин 2017], называют одним из факторов модернизации общественно-политических институтов в более поздний период, — для Финляндии ознаменовалась также появлением первых книг на финском языке — азбукой (в 1543 г.) и переводом Нового завета (в 1548 г.), изданных финляндским просветителем М. Агриколой.

Лютеранская церковь играла огромную роль и в той системе образования, которая существовала на территории современной Финляндии на момент Русско-шведской войны 1808–1809 гг. и которая сохранилась практически без изменений на протяжении почти полувека после появления Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Именно церковь способствовала формированию навыков чтения у большей части населения в тот период. Посещение воскресной школы считалось обязанностью всех детей, проживающих в данном приходе. Более того, продемонстрировать навыки чтения необходимо было каждому, кто хотел быть допущенным к причастию или венчаться в церкви. Правда, навыками письма в первой половине XIX в. в Финляндии большинство крестьян не владело.

Представители элиты получали начальное образование в основном дома, среднее образование можно было получить в частных школах, где обучалась большая часть дворянства, либо в церковных школах, в которых учились будущие представители духовенства. Как правило, такие школы располагались в городах. Кроме того, иногда школы открывались при возникавших в первой половине XIX в. и даже в более ранние периоды мануфактурах, заинтересованных в том, чтобы их работники умели

не только читать, но и писать. Наконец, желающие продолжать обучение после окончания школы могли поступать в университет, который еще в 1640 г. появился в Або (финское название — Турку) и назывался Академией Або. Пожалуй, наиболее значимым изменением в финляндской образовательной системе первой половины XIX в. стало появление в стране второго университета — в Гельсинфорсе (финское название — Хельсинки) в 1828 г.

В период шведского владычества экономическим и культурным центром владений шведской короны по другую сторону Ботнического залива был Або, расположенный на финском берегу Ботнического залива на широте столицы Шведского королевства — Стокгольма. Однако после формирования Великого княжества Финляндского в составе Российской империи столица Великого княжества в 1812 г. была перенесена в Гельсинфорс из-за существовавших в Санкт-Петербурге опасений возникновения ревизионистских настроений в Швеции и среди шведскоязычной элиты Великого княжества. А 4–5 сентября 1827 г. в Або случился большой пожар, уничтоживший более трех четвертей города, включая здания, где находились аудитории, библиотека, коллекции и архив университета. Новый университет был открыт уже в следующем году в Гельсинфорсе, однако Академия Або также была восстановлена.

Если лютеранская церковь сыграла позитивную роль в зарождении системы начального образования на территории современной Финляндии, то ее роль в трансформации высшего образования в стране оценить в качестве позитивной сложнее. В XVII в. труды Р. Декарта и И. Ньютона произвели революцию не только в естественных науках, но и в философии науки в целом. В XVIII в. благодаря публикации энциклопедий, из которых наибольшую известность приобрел плод трудов французских энциклопедистов, результаты научной революции XVII в. стали доступны широким слоям образованной публики. Наконец, в XVIII в. труды Д. Рикардо и А. Смита произвели революцию в экономике. Однако внедрение этих научных достижений в учебный процесс в восточноевропейских университетах, включая Академию Або, проходило с большим трудом, и главная сложность заключалась именно в непримиримой позиции лютеранской церкви.

Факт существования Академии Або, с одной стороны, и возникновение Великого княжества Финляндского в качестве единой административной единицы — с другой, стали основными причинами зарождения в XIX в. движения Фенномании. Благодаря Академии Або именно в Турку в начале XIX в. сконцентрировалась критическая масса финляндской

интеллигенции, для многих представителей которой родным языком был шведский, но которые были объединены стремлением к развитию финского языка. Благодаря их деятельности в университете в Гельсингфорсе практически сразу с момента его основания существовала должность преподавателя финского языка. В 1831 г. было основано Общество финской литературы, в работе которого принимали участие Й. В. Снельманн, Й. Рунеберг, З. Топелиус, М. Кастрен и Э. Лённруг.

Благодаря созданию Великого княжества Финляндского появилась возможность говорить о Финляндии как о единой стране (пусть еще не о государстве) с единым народом вместо многочисленных шведских провинций, населенных разобщенными людьми, общавшимися на сильно отличающихся друг от друга диалектах финского языка и управляемыми шведскоязычной элитой. До создания Великого княжества Финляндского у этой страны и этого народа не было даже самоназвания, лишь в XIX в. слово «суоми», которым ранее обозначалось коренное население юго-западной провинции Финляндии с центром в Турку, а также язык этих людей (и по настоящее время данная провинция Финляндии носит имя «Varsinais-Suomi» — «Истинная Суоми»), стало использоваться для обозначения всего населения Финляндии и всего финского языка.

Благодаря созданию Великого княжества Финляндского появилась и перспектива интеграции шведскоязычной элиты страны в финское общество. Будучи отделенными от Швеции в результате Русско-шведской войны, но не желая покинуть свою Родину и уехать в Швецию и не имея возможности идентифицировать себя в качестве русских, эти люди сформировали у себя идентичность, в соответствии с которой они являются финнами, несмотря на то что их родной язык — шведский. И в настоящее время шведскоязычное меньшинство Финляндии идентифицирует себя в качестве «шведскоязычных финнов». В 1840-х гг. во многом благодаря просветительской деятельности Й. В. Снельманна эти люди не только провозгласили курс на равенство финского и шведского языков в делопроизводстве, но и привели словарный запас финского языка в соответствие этому курсу.

Отношение имперской администрации к движению Фенномании было неоднозначным. С одной стороны, А. И. Арвидссон, издававший в 1820-е гг. газету «Або Моргонблад», на страницах которой он писал даже о необходимости создания финского государства, подвергся преследованиям и был вынужден уехать в Швецию. Аналогично в 1850 г. под впечатлением от восстаний в Европе 1848–1849 гг. имперская администрация ввела запрет на публикацию любых работ на финском языке,

за исключением церковных текстов и трудов по сельскому хозяйству. С другой стороны, уже на следующий год — в 1851 г. — в Хельсинкском университете появилась кафедра финно-угорской филологии, которую занял М. Кастрен. Таким образом, систематическим репрессиям в период правления Александра I и Николая I движение Фенномании не подвергалось. А приход к власти Александра II позволил сторонникам этого движения реализовать многие свои самые смелые мечты.

Эпоха Фацера

Крымская война 1853–1856 гг., в которой Российская империя воевала против широкой коалиции европейских держав, не могла не затронуть и Великое княжество Финляндское, входившее в ее состав. Бомбардировкам британского и французского флотов была подвергнута крепость Свеаборг, прикрывающая подход к Хельсинки с моря. Была захвачена и разрушена крепость Бомарсунд на Аландских островах, заложенная в 1832 г. для обороны западных рубежей России от возможного десанта западноевропейских держав. Десант союзников высаживался также на восточном побережье Ботнического залива. Более того, британские эмиссары обращались к элите Великого княжества Финляндского с просьбой пропустить британские войска через свою территорию на штурм Санкт-Петербурга. Однако элита Финляндии сохранила лояльность российской короне и отказалась пропустить британские войска через свою территорию.

После завершения Крымской войны и воцарения Александра II эта лояльность финляндской элиты была оценена по заслугам, Великому княжеству Финляндскому был дарован ряд вольностей. Так, с 1863 г. Сейм начал созываться каждые пять лет; в 1863 г. император лично выступал на открытии Сейма. В 1869 г. был принят Сеймовый устав — прообраз конституции Великого княжества Финляндского, который разграничил сферы полномочий Императорского финляндского сената и Сейма. Особым решением Сейма были учреждены финские воинские части; отныне граждане Финляндии исполняли воинскую повинность исключительно в финских частях и на территории Великого княжества Финляндского. Также было принято решение о постепенном переводе делопроизводства, включая суды Великого княжества Финляндского со шведского языка на финский, длительность переходного периода была определена в двадцать лет.

Однако двадцать лет спустя, то есть уже после воцарения Александра III, начался перевод делопроизводства в Великом княжестве Финляндском не на финский, но на русский язык — политика русификации [Lam 2012]. Проводить политику русификации было поручено специально назначенному для этих целей генерал-губернатору Н. И. Бобрикову. Помимо перевода делопроизводства в Императорском финляндском сенате на русский язык, непонятный большинству граждан Великого княжества Финляндского, была произведена попытка вновь начать призывать финляндских граждан на службу в российскую армию. Политика русификации не увенчалась успехом, в 1904 г. генерал-губернатор Н.И. Бобриков был убит, а в 1905 г. финляндские граждане приняли самое деятельное участие в революции 1905 г. Несмотря на то что революция 1905 г. была подавлена, сменившему Александра III на троне Николаю II пришлось пойти на целый ряд уступок требованиям революционеров, включая и требования финляндских граждан.

Так, в 1906 г. на смену периодически созываемому Сейму пришел однопалатный постоянно действующий парламент — Эдускунта. Право голоса получили в равной степени все финляндские граждане, в том числе — впервые в Европе — женщины. Первый состав Эдускунты был избран в 1907 г., однако затем он был распущен специальным указом императора, и вплоть до 1917 г. на территории Великого княжества Финляндского действовало военное положение, выборы в Эдускунту не проводились. Впрочем, нельзя было сказать, что территория Великого княжества Финляндского в указанное десятилетие контролировалась напрямую из Санкт-Петербурга, поскольку продолжали действовать независимые суды, независимые органы местного самоуправления и независимая полиция. В результате многие преступники, разыскиваемые органами охраны правопорядка Российской империи за совершение политических преступлений (например, В. И. Ульянов-Ленин), нашли убежище на территории Великого княжества Финляндского [Kirby 1974].

За трансформацией общественно-политических институтов в 1860-х гг. последовали изменения и в экономике. Появились первые лесопилки на паровой тяге, что позволило существенно увеличить производство и экспорт древесины. Столица Российской империи — Санкт-Петербург — и столица Великого княжества Финляндского — Хельсинки — были соединены железной дорогой [Kotavaara, Rusanen 2011]. И поныне железнодорожная колея в Финляндии шире, чем в большинстве европейских стран, но такая же, как в России. Из-за того что Фин-

ляндия и Швеция отделены друг от друга Ботническим заливом, а также из-за разницы в ширине железнодорожной колеи, железнодорожные сети двух стран не соединены и поныне. Примерно в это же время в Финляндию проникает телеграф. Наконец, в 1880-е гг. произошло внедрение электричества как в зарождающуюся промышленность, так и в бытовую сферу, а также появился телефон.

Благодаря огромному значению для экономики Финляндии лесной промышленности в стране начала развиваться целлюлозно-бумажная промышленность. Накануне Первой мировой войны Великое княжество Финляндское обеспечивало до трети потребности в бумаге всей Российской империи, значительная часть бумаги поставлялась на экспорт. Одной из вольностей, дарованной Великому княжеству Финляндскому Александром II, стало появление в 1865 г. национальной валюты — финляндской марки, обменный курс которой не прикреплялся к рублю, но обеспечивался золотым стандартом Банка Финляндии; привязку финляндской марки к золоту удалось осуществить в 1878 г. Это позволило Великому княжеству активно заимствовать на европейских рынках капитала, полученные таким образом средства инвестировались в развитие транспортной инфраструктуры, начиная с железных дорог и заканчивая рытьем каналов, а также направлялись на осуществление реформы образования, о чем еще будет сказано ниже.

Трансформировалось и сельское хозяйство. Многие хозяйства переориентировались на производство молока и молочных продуктов, особенно в северо-западной части страны, расположенной на поднявшемся в результате сдвига тектонических плит некогда бывшем дне Ботнического залива, благодаря чему структура почв благоприятна для произрастания культур, используемых в животноводстве, но не для выращивания, например, пшеницы. Значительная часть пшеницы закупалась либо в Российской империи, либо за рубежом. Если считать торговлю Великого княжества Финляндского как с остальными частями Российской империи, так и с зарубежными странами, то доля экспорта в ВВП страны составила порядка одной пятой, доля импорта — порядка четверти, что, впрочем, было меньше аналогичных показателей для ведущих западноевропейских держав в то время, однако значительно больше, чем для других частей Российской империи.

Аналогично ситуации в США рост производительности труда в 1860-е гг. начался и в Финляндии, хотя темпы его были ниже, чем в Северной Америке. Так, средний прирост ВВП во второй половине XIX в. составил порядка 2,5 % в год. Быстро росло население страны.

Если сразу после Русско-шведской войны 1808–1809 гг. население Великого княжества Финляндского составляло менее миллиона человек, то в 1860-х гг. оно превысило цифру в два миллиона человек, а к моменту провозглашения независимости составило более трех миллионов человек. Одновременно ускорилась урбанизация, благодаря чему к моменту начала Первой мировой войны порядка 10 % населения Великого княжества Финляндского проживало в городах. Без урбанизации представляется невозможным появление в 1891 г. предприятия, которое и сегодня остается одним из символов финляндской экономики, — кондитерского производства К. Фацера.

Из-за быстрого роста численности населения темпы прироста ВВП на душу населения были скромнее — порядка 1,5 % в год во второй половине XIX в. Темпы прироста производительности труда в этот период были еще скромнее — порядка 1,2 % в год, то есть значительно ниже, чем в США. Причины отставания темпов роста производительности труда в Финляндии от аналогичных американских показателей заключаются, во-первых, в низких темпах внедрения передовых для того времени технологий, а во-вторых, в недостаточном притоке инвестиций. Несмотря на создание в Финляндии во второй половине XIX — начале XX в. ряда передовых производств, темпы индустриализации и урбанизации оставались низкими. Соответственно, и прирост производительности труда достигался в основном за счет роста производительности в сельском хозяйстве, включая переход на более современные технологии сельскохозяйственного производства, а также начало обработки земель, ранее не бывших в сельскохозяйственном обороте. Недостаток инвестиций препятствовал максимальному внедрению передовых для того времени технологий, в том числе развитию промышленного производства.

Трансформация общественно-политической системы и экономики Финляндии в период правления Александра II не могла не затронуть и систему образования, причем на всех ее уровнях. На уровне начального образования в 1866 г. Сеймом был принят Закон о начальном образовании, согласно которому в городских и сельских коммунах должны были действовать на средства коммуны так называемые народные школы [Valtasaari, Henttonen, Järvi, Nurmi 1966]. Реформа начальной школы в Финляндии (а также в прибалтийских губерниях) произошла раньше, чем по всей остальной России: если в целом в Российской империи церковно-приходские школы создавались Правилами о церковно-приходских школах, то на территории Великого княжества Финляндского эти

правила не действовали, поскольку там уже была создана система народных школ и появление системы церковно-приходских школ дублировало бы эту систему.

Последние ограничения для отдельных групп населения на посещение народных школ были сняты лишь в 1898 г., благодаря чему в начале XX в. удалось достичь ситуации, когда более половины всех детей соответствующего возраста начали посещать народные школы. Система среднего образования также была трансформирована, появились так называемые учебные школы, которые могли посещать дети, начиная с десятилетнего возраста, а также лицеи, представлявшие собой верхний уровень среднего образования. В отличие от предшествующего периода, когда среднее образование было доступно лишь для лиц мужского пола, реформа предоставила равные права получать образование для мальчиков и девочек. Существенное увеличение числа школ разных видов и уровней, а также рост числа обучающихся в этих школах потребовали резкого увеличения количества учителей. Для решения этой проблемы была создана система педагогических училищ.

Наконец, большую самостоятельность получили университеты, а влияние лютеранской церкви на преподавание в университетах ослабло. В 1852 г. возникло понятие «студенческого экзамена», то есть экзамена, сдаваемого всеми учениками, завершающими верхний уровень среднего образования, вне зависимости от того, было ли образование получено в школе, лицее и т. п. Успешная сдача этого экзамена давала выпускнику средней школы право продолжать обучение в университете. Введение студенческого экзамена способствовало гармонизации учебных планов и образовательных программ в средних школах всего Великого княжества Финляндского при всем их разнообразии. Вплоть до провозглашения независимости Финляндии прием студенческого экзамена осуществлялся силами университета Хельсинки; по сути, это был вступительный экзамен в университет.

«Ревущие двадцатые»

В современной Финляндии мирно сосуществуют два мифа, описывающих события 1917–1918 гг., приведшие к становлению Финляндии в качестве независимого государства.

Во-первых, это миф о том, что «Ленин подарил Финляндии независимость». В самом деле, признание независимости Финляндии со

стороны России, в составе которой страна находилась на протяжении более века, было принципиально важным этапом становления независимого финляндского государства. Однако едва ли независимость Финляндии могла быть признана лидерами Белого движения в России, которое ориентировалось не только на свержение большевиков, но и на сохранение территориальной целостности России в границах Российской империи. В свою очередь, в программном документе, определяющем внешнеполитические приоритеты правительства большевиков, — в Декрете о мире — право нации на самоопределение было упомянуто среди основополагающих принципов большевистской внешней политики.

Через 12 дней после провозглашения независимости Финляндии Совет народных комиссаров постановил обратиться в Центральный исполнительный комитет с предложением признать независимость Финляндской Республики и создать совместную российско-финляндскую комиссию для решения практических вопросов, связанных с выходом Финляндии из состава России [Ketola 1987]. Постановление подписали, среди прочих, В. И. Ленин, а также Л. Д. Троцкий и И. В. Сталин. Советское правительство 4 января 1918 г. передало финляндскому правительству дипломатическую ноту, содержащую признание независимости последней. В тот же день финляндскому правительству аналогичные ноты передали правительства Швеции, Франции и Германии. Однако мирный договор Советская Россия и Финляндская Республика смогли подписать лишь в 1920 г.

Во-вторых, это миф о том, что в промежутке между признанием независимости Финляндии Советским правительством в начале 1918 г. и подписанием Тартуского мирного договора двумя годами позже «Маннергейм отвоевал независимость для Финляндии». В самом деле, в период с ноября 1917 г. по февраль 1918 г., пока пост Народного комиссара иностранных дел в Советском правительстве занимал Л. Д. Троцкий, советская внешняя политика основывалась на предположении, что вслед за победой социалистической революции в России аналогичные революции произойдут и в других странах, включая Финляндию. Признание независимости Финляндии являлось одним из шагов, нацеленных на поддержку социал-демократов внутри самой Финляндии, благодаря чему им было бы легче завоевать сердца финского пролетариата и крестьянства, руками которых и должна была осуществиться социалистическая революция в стране.

Как и в России после Октябрьской революции 1917 г., в Финляндии после провозглашения независимости началась Гражданская война. Од-

нако, в отличие от России, в Финляндии победу одержало Белое движение, войсками которого командовал К. Г. Маннергейм. Степень поддержки финляндского Красного движения со стороны Советской России различными историками оценивается по-разному. Одни финские историки оценивают эту помощь как минимальную (весной 1918 г. Советское правительство в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции едва ли могло оказать серьезную помощь Красному движению в Финляндии, даже если бы хотело), а Гражданскую войну в самой Финляндии характеризуют как «классовую войну» [Naarala 1995]. Однако в 1920–1930-е гг. большинство историков оценивало роль Советской России в войне на территории Финляндии в 1918 г. как более значимую; в их работах сама эта война называлась «освободительной», а не «гражданской» [Hannula 1938].

В годы Второй мировой войны К. Г. Маннергейму пришлось вновь отстаивать независимость Финляндии с оружием в руках. В отличие от советской историографии, для которой свойственно говорить о Второй мировой войне 1939–1945 гг., частью которой стала Великая Отечественная война 1941–1945 гг., для финляндской историографии характерно выделение трех этапов Второй мировой войны. Во-первых, в 1939–1940 гг. шла Зимняя война, в ходе которой финские войска под командованием К. Г. Маннергейма смогли отстоять независимость Финляндской Республики, пусть и ценой территориальных уступок Советскому Союзу. В своем стихотворении 1943 г. «Две строчки» А. Т. Твардовский назвал ту войну «незнаменитой». Любопытно, что это стихотворение А. Т. Твардовского было опубликовано в Советском Союзе еще при жизни И. В. Сталина [Твардовский 1951].

Во-вторых, в 1941–1944 гг. шла война-продолжение, в ходе которой Финляндия воевала против Советского Союза на стороне нацистской Германии. Во время войны-продолжения финляндские войска не только захватили территории, утраченные в период Зимней войны, и приняли участие в организации блокады Ленинграда, но и захватили не входившие ранее в состав Финляндии земли — например, часть современной российской Карелии с городом Петрозаводском. Наконец, в 1944–1945 гг. шла Лапландская война, в результате которой финляндские войска при поддержке частей Красной армии изгнали с территории Финляндии германские войска, ранее размещенные там по согласованию с финляндским правительством, но отказавшиеся добровольно покинуть территорию страны после того, как финляндское правительство их об этом попросило. В ходе Лапландской войны во время налетов немецкой авиа-

ции практически полностью была сожжена столица финляндской Лапландии — город Рованиеми.

В промежутке между Первой и Второй мировыми войнами экономика Финляндии бурно развивалась, хотя темпы ее развития не были стабильными на протяжении двух десятилетий. ВВП страны в межвоенный период увеличивался в среднем почти на 5 % ежегодно. Одновременно наблюдался и существенный прирост населения. Если в 1917–1919 гг. население страны снизилось в результате Гражданской войны примерно на 7 тыс. человек и составило в 1919 г. 3 млн 117 тыс., то в 1938 г. на территории Финляндии проживало 3 млн 656 тыс. человек. Рост населения продолжался и в военные годы, несмотря на потери населения и территории. Таким образом, в межвоенный период население Финляндии увеличилось на 17 %, при этом рост ВВП на душу населения составлял порядка 4 % ежегодно. Средний ежегодный прирост производительности труда составил около 2 %. Благодаря этому крупные зарубежные торговые партнеры Финляндии — в первую очередь Великобритания, — изначально скептически оценивавшие перспективы финляндской экономики, были вынуждены изменить свое мнение [Sundbäck 2002].

Важнейшими отраслями экономики страны в межвоенный период были сельское хозяйство и лесопромышленный комплекс. Благодаря развитию сельского хозяйства Финляндия, которая в имперский период ввозила большую часть потребляемого зерна из других частей Российской империи, к 1939 г. начала самостоятельно производить порядка 80 % потребляемого в стране зерна. В свою очередь, лесопромышленный комплекс стал важнейшей отраслью финляндской экономики, ориентированной на экспорт. Именно доходы от экспорта продукции лесопромышленного комплекса, включая экспорт сырой древесины, строительных материалов из дерева и продукции целлюлозно-бумажной промышленности, обеспечили расходы финляндского государства, связанные с необходимостью поддержки сельского хозяйства в условиях неблагоприятного климата, а также с проведением реформы образования.

Лесопромышленный сектор Финляндии привлек больше прямых иностранных инвестиций в межвоенный период, чем все остальные сектора экономики, вместе взятые. Наконец, лесопромышленный комплекс позволил Финляндии довольно легко пережить Великую депрессию, поскольку спрос на продукцию лесопромышленного комплекса в Европе на рубеже 1920–1930-х гг. оставался стабильным, несмотря на турбулентность в экономике. Прочие отрасли промышленности, включая до-

бычу полезных ископаемых, металлургию и машиностроение, обеспечивали лишь незначительную часть экономического роста, эти отрасли ориентировались преимущественно на внутренний рынок, оставаясь недостаточно конкурентоспособными по сравнению с аналогичными отраслями ведущих европейских стран.

В межвоенный период начал развиваться и сектор услуг. Прирост ВВП, в том числе на душу населения, в это время практически полностью обеспечивался за счет прироста производительности в сельском хозяйстве и лесопромышленном комплексе, других отраслях промышленности. Однако если в этих отраслях прирост рабочей силы в межвоенный период составлял около 1 % в год, то в секторе услуг — порядка 1,6 % ежегодно. Соответственно, прирост производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности составлял в среднем 2,6 % ежегодно, однако за счет низкого прироста производительности труда в секторе услуг общий прирост производительности труда составил порядка вышеупомянутых 2 % ежегодно [Kiiskinen 1959]. Несмотря на это, качество услуг в стране оставалось низким — например, банковские услуги были практически недоступны для беднейших слоев населения.

Быстрый экономический рост в 1920–1930-х гг. оказался бы невозможен без проведения реформы образования, которая покончила с безграмотностью в Финляндии. В конце имперского периода лишь около 1 % населения Финляндии были полностью неграмотны, однако порядка 30 % умели читать, но не умели писать, а доля населения, завершившего четырехлетнюю начальную школу и приступившего к среднему образованию, составляла всего 5 %. В 1921 г. с целью преодоления этой ситуации в стране было введено обязательное начальное образование. Все дети, достигшие семилетнего возраста, должны были посещать начальную школу на протяжении четырех лет. После этого они могли обучаться в младшей средней школе в течение пяти лет или в гражданской школе порядка трех-пяти лет.

Завершение обучения в младшей средней школе давало право либо учиться в старшей средней школе на протяжении еще трех лет, либо получить среднее специальное образование в так называемых колледжах, учеба в которых в зависимости от выбранной специальности и успеваемости длилась два-пять лет. Обучающиеся в гражданской школе были лишены права продолжать обучение в дальнейшем, однако в 1939 г. эта проблема оказалась решена — для них были созданы аналоги советских профессионально-технических училищ, обучение в которых длилось полтора-два года [Aho, Pitkänen, Sahlberg 2006: 29]. Наконец, в 1920-х гг.

трансформировалось и высшее образование в Финляндии. В Хельсинки помимо университета были также созданы Технологический университет и Высшая школа экономики, из которых первый вуз занимался подготовкой инженеров для быстро развивающейся финляндской промышленности, а второй — для сектора услуг.

Эпоха Кекконена

После окончания Второй мировой войны Финляндия не стала частью ни западного, ни восточного блоков. Во внешней политике страна оказалась связана с Советским Союзом Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который под давлением И. В. Сталина был подписан президентом страны Ю. К. Паасикиви и ратифицирован парламентом 156 голосами против 11. Финляндия обязывалась координировать свою внешнюю политику с Советским Союзом и не присоединяться к международным соглашениям, связывающим страны Запада, не связав себя предварительно аналогичным соглашением со странами Восточного блока. Во внутренней политике Финляндия сохраняла прежний порядок формирования органов государственной власти, включая периодически избираемых президента и парламент. Это не означало, однако, что в Финляндии в годы «холодной войны» функционировали демократические институты в современном их понимании.

В 1956 г. президентом Финляндии был избран У. К. Кекконен, оставшийся на этом посту на протяжении 25 лет, практически до самой своей смерти. Накануне президентских выборов 1962 г. большинство политических партий страны (кроме Аграрного союза, который возглавлял У. К. Кекконен) выдвинули в качестве единого кандидата в президенты от оппозиции О. Хонка, однако резко ухудшившиеся отношения между Финляндией и Советским Союзом помешали ему победить. Тогда Н. С. Хрущев в ультимативной форме потребовал допустить советские войска на территорию Финляндии под предлогом проведения совместных учений, но большинство населения Финляндии испугалось, что, войдя на территорию страны, советские войска ее уже не покинут. В этих условиях О. Хонка снял свою кандидатуру с президентских выборов, У. К. Кекконен посетил СССР и уговорил Н. С. Хрущева отказаться от своих требований, большинство населения Финляндии поверило, что У. К. Кекконен является спасителем нации, и переизбрало его на новый президентский срок [Jalovaara 2006].

Президентские выборы 1968 г. У. К. Кекконен выиграл достаточно легко благодаря поддержке со стороны как своего Аграрного союза (который к этому времени был переименован в партию Финляндский центр), так и Социал-демократической партии, просоветского Демократического союза народов Финляндии, Шведской народной партии, а также Социал-демократического союза рабочих и мелких собственников. В результате в коллегии выборщиков У. К. Кекконен получил 201 голос, в то время как его главный оппонент — президент Национального коммерческого банка и представитель Национальной коалиционной партии М. Вирккунен — всего 66. В ходе своей избирательной кампании М. Вирккунен неоднократно обвинял У. К. Кекконена в том, что его правление является, по сути, авторитарным, однако быстрый экономический рост, имевший место в Финляндии в 1960-е гг., стал основным фактором, заставившим население страны поддержать У. К. Кекконена.

В 1973 г. У. К. Кекконен добился введения в стране чрезвычайного положения и продления своего очередного президентского срока на четыре года. Национальная коалиционная партия вновь выступала основным оппонентом У. К. Кекконена, однако одновременно она выступала в поддержку Соглашения о свободной торговле с Европейским экономическим сообществом, переговоры по которому шли в это время между Хельсинки и столицами западноевропейских стран. Ранее аналогичное соглашение было заключено между Финляндией и Советом экономической взаимопомощи [Singleton 1974]. Несмотря на это, У. К. Кекконену удалось убедить лидеров финляндской оппозиции, что если он не останется президентом, то СССР может заблокировать подписание соглашения о свободной торговле с ЕЭС. В результате Национальная коалиционная партия также поддержала чрезвычайное положение и сохранение У. К. Кекконена на посту президента до 1978 г.

Более того, Национальная коалиционная партия поддержала кандидатуру У. К. Кекконена на президентских выборах 1978 г. Поддержали его и две другие крупнейшие политические партии Финляндии: руководимая У. К. Кекконеном партия Финляндский центр и Социал-демократическая партия. Одновременно здоровье У. К. Кекконена начало ухудшаться. Воспользовавшись неспособностью президента активно работать на посту главы государства, премьер-министр М. Койвисто, представитель социал-демократической партии, в 1981 г. заявил, что возглавляемый им кабинет министров будет отныне отчитываться перед парламентом, а не перед президентом. Это подтолкнуло У. К. Кекконена принять решение об отставке с поста президента, на начало 1982 г. были

назначены внеочередные президентские выборы, на которых победил М. Койвисто. У. К. Кекконен умер в 1986 г., а М. Койвисто оставался президентом два срока, вплоть до 1994 г.

Вторая мировая война нанесла серьезный удар по экономике Финляндии. Страна потеряла порядка десятой части своей территории, причем той, которая в силу климатических условий в наибольшей степени благоприятствовала развитию сельского хозяйства и лесопромышленного комплекса. Города, промышленные предприятия и объекты инфраструктуры были разрушены в результате налетов советской и (в случае Лапландии) немецкой авиации. Финляндия была обязана выплачивать репарации Советскому Союзу. Перед ней стояла задача по приему, размещению и трудоустройству порядка 400 тыс. человек, вынужденных покинуть территории, отошедшие в результате войны к Советскому Союзу. Наконец, Советский Союз настоял на том, чтобы Финляндия не получала американскую помощь по Плану Маршалла. Несмотря на эти трудности, за десять послевоенных лет население Финляндии сумело восстановить разрушенную войной экономику, а в середине 1950-х гг., после прихода к власти У. К. Кекконена, в стране начался быстрый экономический рост.

Во многом он был связан с либерализацией импорта, включая облегчение тарифных и отмену некоторых нетарифных барьеров, которую провело правительство К. А. Фагерхольма, представителя Социал-демократической партии, сменившее правительство У. К. Кекконена, представителя Аграрной партии (позднее — Финляндский центр), который занял пост президента. Всего за 25 лет президентства У. К. Кекконена кабинет министров менялся 21 раз; на посту премьер-министра чередовались представители Социал-демократической партии и Финляндского центра, причем один и тот же политик мог занимать пост премьер-министра несколько раз с перерывами на время работы кабинета представителя другой партии. Так, среди представителей Социал-демократической партии, занимавших пост премьер-министра Финляндии в этот период, наибольшую известность помимо К. А. Фагерхольма, возглавлявшего правительство в 1948–1950, 1956–1957 и 1958–1959 гг., получили Р. Паасио, премьер-министр в 1966–1968 гг. и вновь в 1972 г., и М. Койвисто, премьер-министр в 1968–1970 и 1979–1982 гг., будущий президент страны.

Легендарный лидер финляндских социал-демократов К. Сорса занимал пост премьер-министра в 1972–1975 и 1977–1979 гг. и вновь, уже после отставки У. К. Кекконена, в 1982–1987 гг. С именем К. Сорса связан значительный рост влияния социал-демократов в Финляндии

в 1970-е гг. [Arter 1980], благодаря которому им предстояло доминировать в финляндской политике на протяжении двух последующих десятилетий. В свою очередь, среди представителей партии Финляндский центр пост премьер-министра в разные годы занимали: В. Й. Сукселянен в 1957 и 1959–1961 гг., М. Миеттунен в 1961–1962 и 1975–1977 гг., А. Карьялайнен в 1962–1963 и 1970–1971 гг., наконец, Й. Виролайнен, премьер-министр в 1964–1966 гг., который в 1982 г. был основным оппонентом социал-демократа М. Койвисто на президентских выборах. Несмотря на то что социал-демократы и центристы сменяли друг друга на посту премьер-министра практически ежегодно, экономическая политика страны менялась мало: в ее основе лежал курс на сочетание индустриализации, включая привлечение прямых иностранных инвестиций, и ориентации на экспорт, включая торговлю как со странами Западной Европы, так и с Советским Союзом и другими странами Совета экономической взаимопомощи.

Экономическое сотрудничество со странами Запада помогло Финляндии обеспечить устойчивый приток капиталов в страну за счет экспорта. Это позволило сосредоточиться на развитии тех отраслей экономики, в которых страна оказалась наиболее конкурентоспособна, обеспечивая поставки товаров и услуг, производимых в других отраслях экономики, за счет импорта. Наконец, именно Запад стал основным источником прямых иностранных инвестиций в экономику Финляндии. Особенно активно развивалось сотрудничество в рамках Северного совета, а позднее — Совета министров Северных стран, благодаря которому задолго до их присоединения к Европейскому союзу Северные страны сумели создать общий рынок труда. В свою очередь, экономическое сотрудничество с Советским Союзом создало «подушку безопасности», вследствие чего экономический кризис 1970-х гг. практически не сказался на Финляндии.

В результате среднегодовой прирост ВВП в Финляндии в 1950–1980-е гг. составил почти 5 %, а среднегодовой прирост ВВП на душу населения был выше 4 %. В первые послевоенные десятилетия активно росла численность населения, и в 1950 г. население Финляндии перевалило за 4 млн человек. Однако в 1960-е гг. период быстрого роста населения завершился, и в середине 1970-х гг. прирост ВВП обеспечивался уже не притоком свежей рабочей силы в экономику, а быстрыми темпами роста производительности труда. В этот период быстрые темпы роста ВВП и производительности труда в значительной степени коррелировали с аналогичными показателями в большинстве западноевропейских стран.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. темпы роста как ВВП, так и производительности труда в Финляндии снизились по сравнению с предыдущим периодом, однако они оставались выше, чем в пострадавших от экономического кризиса 1970-х гг. западноевропейских странах, включая Северные страны. В результате к концу 1980-х гг. Финляндия смогла догнать Швецию по уровню ВВП на душу населения.

Пребывание У. К. Кекконена у руля страны на протяжении четверти века не могло не вызвать яростных споров среди историков о значении этой личности для истории Финляндии, которая развернулась после его смерти [Lavery 2003]. В частности, историки в Финляндии спорят до сих пор, произошел ли в стране быстрый экономический рост в послевоенный период благодаря правлению У. К. Кекконена или вопреки ему. В более общем смысле этот спор сводится к дискуссии о том, являлось ли президентство У. К. Кекконена одним из образцов мудрого государственного мышления, благодаря которому небольшая по размерам демократия смогла не только сохраниться, но и эффективно развиваться по соседству с тоталитарной сверхдержавой с плановой экономикой, или же, напротив, У. К. Кекконен и его приближенные в ряде случаев намеренно способствовали увеличению опасности, которой подвергалась Финляндия со стороны Советского Союза, с целью максимально долго удерживаться у власти. Спор этот продолжается в Финляндии и в настоящее время.

В 1960–1970-х гг. Финляндия также провела наиболее всестороннюю реформу своей системы образования, на особенности которой повлияли три причины. Во-первых, всплеск рождаемости в первые послевоенные десятилетия потребовал увеличения числа средних учебных заведений. Во-вторых, индустриализация экономики потребовала расширения возможностей для людей получить не только среднее, но и высшее образование. В-третьих, ранее существовавшая система среднего образования заставляла школьников (а на практике — их родителей) в раннем возрасте делать выбор между академическим и профессиональным образованием, и изменить этот выбор впоследствии было крайне трудно. Это порождало неравенство возможностей среди населения, против чего выступали как социал-демократы, так и центристы, последовательно сменявшие друг друга во главе кабинета министров.

В результате был принят ряд законодательных инициатив — в первую очередь Закон о школьной системе 1968 г., реализация положений которого на практике продолжалась вплоть до 1977 г., а в некоторых случаях — как, например, при переходе на обучение детей-инвалидов вме-

сте с другими детьми — и до 1985 г. [Kivirauma, Ruoho 2007]. Если до принятия этого закона начальная и средняя школы в Финляндии были разделены, то теперь начальная школа объединялась с нижней ступенью среднего образования, от которой отделялась верхняя ступень среднего образования. Все дети были обязаны посещать школу в течение девяти лет, начиная с семи и заканчивая шестнадцатью годами, из них шесть приходилось на начальное обучение, а три — на нижнюю ступень среднего образования. После этого школьник должен был поступить либо на верхнюю ступень средней школы, либо в профессиональное образовательное учреждение, где обучение длится от одного до трех лет в зависимости от специальности. По завершении верхней ступени средней школы либо профессионального образовательного учреждения школьник сдавал единый государственный экзамен, результаты которого давали право поступать в высшие учебные заведения.

Система высших учебных заведений также была реформирована. Прием в уже имеющиеся учебные заведения существенно увеличился, причем высшее образование в Финляндии было бесплатным еще со времен шведского владычества. Создавалось значительное число новых высших учебных заведений, не в столицах — Хельсинки и Турку, — но в других городах Финляндии, чтобы жители отдаленных районов страны (по площади Финляндия — восьмая страна в Европе) могли учиться в высших учебных заведениях недалеко от дома. Помимо университетов создавались также университеты прикладных наук, высшие школы экономики, позднее — технологические университеты и университетские колледжи. Особое место в образовательной системе Финляндии заняла Музыкальная академия им. Я. Сибелиуса.

Наконец, была создана система студенческих займов, благодаря которой студенты смогли позволить себе не работать в период обучения с перспективой возврата заемных средств после окончания учебы и поступления на работу. В результате, если в 1970 г. лишь порядка 6 % населения Финляндии в возрастной группе от 25 до 64 лет могли продолжить образование после окончания средней школы, то к 1980 г. их доля выросла до 10 % населения. С тех пор она продолжала расти, так что сегодня более 40 % населения Финляндии в данной возрастной группе продолжает образование после окончания средней школы; по этому показателю из стран ОЭСР Финляндию опережают лишь Австралия, Великобритания, Израиль, Ирландия, Канада, Южная Корея, Люксембург, Норвегия, США и Япония [OECD Statistics]. Это стало одной из основных причин роста производительности труда в стране в годы «холодной войны».

Эпоха Nokia и последующий кризис

После отставки У.К. Кекконена Финляндия оказалась страной с одним из наиболее эффективно функционирующих демократических режимов и одной из наиболее конкурентоспособных рыночных экономик, ориентированных на экспорт. В 1996 г. Р. А. Даль, один из наиболее известных специалистов по демократии, поставил Финляндию в один ряд с такими «старыми демократиями», как Великобритания, Новая Зеландия, Бельгия, Люксембург, Нидерланды и Швейцария [Dahl 1996: 194]. Влияние партии Финляндский центр, наиболее тесно связанной с именем У. К. Кекконена, снизилось, и в стране начался период доминирования Социал-демократической партии. Пост президента занимали социал-демократы: в 1982–1994 гг. М. Койвисто, в 1994–2000 гг. М. Ахтисаари, а в 2000–2012 гг. Т. Халонен. Почти весь период президентства М. Койвисто пост премьер-министра также занимал социал-демократ — уже упоминавшийся К. Сорса. Лишь по результатам парламентских выборов 1987 г. пост премьер-министра занял представитель Национальной коалиционной партии К. Холкери, в 1991 г. его сменил центрист Э. Ахо. Однако в 1995 г. Социал-демократическая партия сумела вернуть себе лидерство, и пост премьер-министра вплоть до 2003 г. занял П. Липпонен.

Переосмысление политического наследия эпохи У. К. Кекконена стало одной из причин конституционных реформ 1980-х гг. Реформа 1983 г. существенно расширила полномочия парламента, а реформа 1987 г. определила порядок вынесения того или иного политического решения на консультативный референдум. Трансформировался и порядок выборов президента. Было введено положение, согласно которому один человек не может занимать пост президента более двух шестилетних сроков. Коллегия выборщиков была отменена, так что в 1988 г. М. Койвисто избирался на второй срок по смешанной системе, частично коллегией выборщиков, частично — напрямую, а в 1994 г. М. Ахтисаари стал первым финляндским президентом, избранным населением напрямую.

Важнейшим внешнеполитическим изменением этого периода стало вступление Финляндии (одновременно со Швецией и Австрией) в Европейский союз в 1995 г. В 2001 г. на территории Финляндии начали действовать Шенгенские соглашения; в Австрии Шенгенские соглашения начали действовать уже в 1997 г., однако Северные страны отложили их ввод в действие из-за необходимости урегулировать порядок участия в них Норвегии и Исландии, которые, не являясь членами Евросоюза, связаны обязательствами по общему рынку труда с Финляндией, Швецией и

Данией в рамках Северного совета. В 1999 г. Финляндия присоединилась к Экономическому валютному союзу, и в 2002 г. финляндская марка полностью уступила место евро. Партнеры Финляндии по Северному совету, даже те из них, кто входит в Евросоюз, предпочли не присоединяться к Экономическому валютному союзу, сохранив свои национальные валюты: шведскую, датскую, норвежскую и исландскую кроны соответственно.

Вступление в Европейский союз потребовало проведения новой конституционной реформы. В высший орган власти Евросоюза — Европейский совет — входят главы государств либо правительств всех стран-участниц ЕС. Большинство из них являются именно главами правительств: сегодня президенты представляют в Европейском совете лишь Францию, Румынию, Литву и Кипр. Во всех этих странах существует конфликт между президентом, избираемым населением напрямую, и кабинетом министров, формируемым парламентом, по вопросу о распределении полномочий, возникающих в результате участия страны в Евросоюзе. В 1990-х гг. такой конфликт возник и в Финляндии [Rinehart 2002], и было принято решение разработать проект новой конституции, которая наделяла бы премьер-министра правом представлять страну в Европейском совете, а также перераспределяла бы полномочия между президентом и премьер-министром в пользу последнего. Новая конституция была принята в 1999 г., и Т. Халонен стала первым финляндским президентом, чьи полномочия были определены уже новой конституцией.

Популярность социал-демократов в финляндском обществе снизилась в 2000-х гг. В 2012 г. президентом страны был избран представитель консервативной Национальной коалиционной партии С. Нийнистё. На посту премьер-министра в 2003–2011 гг. друг друга сменяли центристы: А. Яэтеэньяки, М. Ванханен и М. Кивиниemi. В 2011–2015 гг. пост премьер-министра занимали последовательно представители Национальной коалиционной партии Ю. Катайнен и А. Стубб. По итогам парламентских выборов 2015 г. к власти вновь пришло правительство, возглавляемое центристом — Ю. Сипиля. Социал-демократическая партия, Финляндский центр и Национальная коалиционная партия остаются крупнейшими политическими партиями страны; как правило, в состав каждого кабинета министров входят представители двух из них, а третья находится в оппозиции.

Экономика Финляндии после отставки У. К. Кекконена пережила период роста в 1980-х гг., кризис в начале 1990-х гг., который сменился бурным экономическим ростом в так называемую эпоху Nokia. Она продолжалась вплоть до начала мирового финансового кризиса в 2008 г.,

в последние десять лет в экономике страны наблюдалась стагнация, тенденция к росту наметилась лишь в 2017 г. Кризис начала 1990-х гг. был обусловлен двумя причинами. Во-первых, распад Советского Союза разрушил систему российско-финляндской торговли, в рамках которой объемы товаров, поставляемые сторонами друг другу, зависели не от рыночных цен на обмениваемые товары, но от согласованных сторонами протоколов. Во-вторых, либерализация банковского сектора в Финляндии, проведенная в 1980-е гг., привела к кризису банковской системы страны, которая ранее строилась на принципах обеспечения максимальной доступности банковских услуг для населения.

Положительным моментом кризиса начала 1990-х гг. стал тот факт, что темпы роста производительности труда в стране впервые опередили темпы роста ВВП. Основным фактором роста производительности труда стало активное привлечение инвестиций, как собственных, так и иностранных, в производство электронного оборудования, благодаря чему доля этого сектора в экономике выросла до четверти. В результате период экономического спада сменился периодом быстрого экономического роста в 1995–2005 гг.: среднегодовой рост ВВП Финляндии в это десятилетие составил 3,5 %. Среднегодовой рост производительности труда в первой половине 1990-х гг. составлял 2,5 %, во второй половине 1990-х гг. — 2,8 %, в первой половине 2000-х гг. — 2,2 %. Таким образом, снижение темпов роста производительности труда в стране началось задолго до мирового экономического кризиса 2008 г.; оно стало одним из основных факторов, благодаря которым последствия экономического кризиса оказали на экономику Финляндии столь долгосрочное — почти на десятилетие — влияние.

Хотя нельзя говорить, что исключительно благодаря этой корпорации производительность труда в Финляндии в 1990-е гг. росла столь быстро [Daveri, Silva, Lane, Morton 2004], символом экономического успеха этого периода стала именно корпорация Nokia — вернее, ее подразделение, производящее мобильные телефоны. Первый отдел по производству электроники был создан в корпорации Nokia еще в 1960-х гг., в 1980-е гг. были приобретены значительные активы, сделавшие эту корпорацию крупнейшим производителем электроники в Финляндии и крупным европейским производителем электроники; в частности, одно время она занимала третье место в Европе по производству телевизоров. Однако в конце 1980-х гг. корпорация оказалась в кризисе, и в качестве пути выхода из него был выбран курс на концентрацию производства на наиболее конкурентоспособных продуктах и отказ от производства ме-

нее конкурентоспособных продуктов. В частности, отдел корпорации, занимающийся производством автомобильных шин, был выделен в самостоятельную компанию, которая и сегодня действует под именем Nokian Tyres, не имея более никакого отношения к корпорации Nokia.

Корпорация Nokia начала специализироваться на производстве оборудования для сотовой связи, включая и сами мобильные телефоны, и оборудование для операторов мобильных сетей. В начале 1990-х гг. было принято стратегическое решение о переходе на стандарт GSM — сегодня самый популярный стандарт сотовой связи в Европе. В результате в 2007 г. корпорация смогла объявить, что она продала 200 млн мобильных телефонов серии Nokia 1100 — этот телефон стал самым продаваемым мобильным телефоном того времени. Однако 2007 г. оказался не только годом триумфа телефона Nokia 1100, но и годом, когда корпорация Apple представила первую модель iPhone. Не будучи способной конкурировать с Apple, корпорация Nokia начала быстро терять свое положение на рынке. В 2013 г. было объявлено о покупке корпорацией Microsoft отдела Nokia, занимающегося разработкой, производством и обслуживанием мобильных телефонов, в 2014 г. сделка была завершена, а в 2015 г. Microsoft признала, что эта сделка принесла ей одни убытки.

Как превращение корпорации Nokia в производителя самого популярного электронного устройства в истории стало символом финского экономического чуда 1990-х гг., так и неудачная покупка Microsoft отдела Nokia, занимающегося мобильными телефонами, стала символом почти десятилетней стагнации, в которой экономика Финляндии оказалась в результате мирового экономического кризиса 2008 г. Вместе с тем было бы ошибкой говорить, что основная причина столь долгой стагнации заключается в завышенных ожиданиях от информационной экономики. Не менее важными причинами кризиса являются обострение конкуренции с целлюлозно-бумажной промышленностью Юго-Восточной Азии и Южной Америки, низкая конкурентоспособность сельскохозяйственного сектора из-за климатических особенностей страны, чрезмерная раздутость государственного сектора как результат политики, ориентированной на построение государства благосостояния, слишком высокие налоги по сравнению с другими странами Евросоюза, выход на пенсию представителей многочисленного поколения, родившихся в первые послевоенные десятилетия. В результате устойчивый экономический рост в Финляндии был зафиксирован лишь в 2017 г.

Несмотря на кризис, в 2010-х гг. правительство Финляндии предприняло новую попытку реформировать систему образования страны

с целью придать большую конкурентоспособность, с одной стороны, выпускникам финских школ и университетов, а с другой — самим финским учебным заведениям, особенно высшим, с целью привлечь в них наиболее талантливых студентов из других стран Европы и мира. Так, на верхней ступени средней школы в порядке эксперимента было решено часть учебного времени организовать не традиционным способом (урок математики, затем урок английского языка и т. д.), а тематически, чтобы школьники, пытаясь максимально использовать знания разных предметов в той или иной жизненной ситуации, одновременно могли расширить свои знания не по одному, но по многим предметам [Garner 2015]. В настоящее время этот эксперимент проводится в нескольких школах столичного региона, однако в случае успеха такая методика будет распространена в Финляндии повсеместно. Впрочем, в настоящее время нельзя не отметить, что если в 1970-е гг. между выпускниками столичных и провинциальных школ в Финляндии практически не было разницы в уровне подготовки, то в настоящее время эта разница становится все заметнее.

В 1990-е гг. финляндская система образования приобрела популярность в других странах, благодаря чему не только школы по всему миру, от Японии до США, попытались внедрить элементы финляндской системы в свои учебные планы [Sahlberg 2017], но все больше иностранных студентов стали приезжать в Финляндию для получения высшего образования, тем более что, начиная со времен шведского владычества, высшее образование в Финляндии было бесплатным, в том числе для иностранцев. Впрочем, в середине 2010-х гг. кризис заставил правительство Финляндии пересмотреть этот аспект своей образовательной политики, и в настоящее время студенты финляндских университетов, приехавшие из стран, не входящих в Европейское экономическое пространство, обязаны платить за обучение. Как и в случае с реформой верхней ступени средней школы, реформа высшего образования в Финляндии только началась, и в настоящее время нет возможности судить, насколько она будет способствовать повышению уровня образования в Финляндии, а тем более — уровня технологического развития и в конечном счете производительности труда.

Заключение

На протяжении двухсот лет с момента включения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи рост производительности труда и рост уровня образования в этой стране находились

в тесной взаимосвязи друг с другом. С одной стороны, рост уровня образования позволял максимально эффективно ставить технологии, создающиеся как в самой Финляндии, так и за ее пределами, на службу финляндской экономике, способствуя (при условии притока инвестиций) росту производительности труда. С другой стороны, рост производительности труда, с учетом высокого уровня вмешательства финляндского государства в экономику страны, позволял аккумулировать в руках государства средства, необходимые для проведения реформ, направленных на дальнейшее повышение уровня образования. Таким образом, именно образование является основным фактором того феномена, который назван в заглавии данной работы «финским экономическим чудом».

Рост уровня образования является необходимым, но не достаточным условием роста производительности труда. В самом деле, хотя первый университет в Финляндии появился уже в XVII в., производительность труда в стране практически не росла на протяжении еще двухсот лет после этого события. Аналогичным образом и в последнее десятилетие, хотя уровень образования в стране и продолжал расти, рост производительности труда не отмечался. Пусть и со своей спецификой, но в случае Финляндии наблюдается тенденция, которая в последние десятилетия есть и во многих других странах Запада: при прежних темпах роста уровня образования населения и уровня технологического развития производительность труда растет гораздо менее высокими темпами, чем двадцать пять (в случае Финляндии) — пятьдесят (в случае США) лет назад. Этим объясняется и снижение интереса к получению образования в современных западных странах: сегодня затраты на получение образования дают много меньше преимуществ, чем аналогичные затраты несколько десятилетий назад.

Хронологические рамки научной работы оказывают серьезное влияние на то, как будут восприняты ее выводы. Применительно к данному исследованию, если бы автор ограничился рассмотрением истории Финляндии исключительно на протяжении XX в., это могло бы быть воспринято в качестве попытки показать, как хорошо развивалась Финляндия без России. Напротив, пойдя по пути рассмотрения истории Финляндии за двухсотлетний период, автор отдавал себе отчет, что его работа может быть воспринята в качестве попытки показать, как хорошо развивалась Финляндия вместе с Россией: в XIX в. в составе Российской империи, а в XX в. — связанная с Советским Союзом тесными торгово-экономическими отношениями как неотъемлемой частью «линии Паасикиви-Кекконена». В самой Финляндии историки до сих пор ведут споры о том,

стало ли обретение независимости страны в 1917 г. своеобразным «подарком» В. И. Ленина или же независимость была в прямом смысле слова завоевана финляндскими войсками под командованием К. Г. Маннергейма.

Аналогично ведутся споры и о том, стал ли экономический рост в послевоенной Финляндии следствием тесных торгово-экономических связей этой страны с Советским Союзом и результатом эффективной политики занимавшего пост президента Финляндской Республики на протяжении четверти века У. К. Кекконена, умевшего как никто другой добиваться таких торговых соглашений с СССР, которые в максимальной степени соответствовали интересам Финляндии, или же этот рост произошел вопреки У. К. Кекконену и советско-финляндским торгово-экономическим отношениям в годы «холодной войны». Разрешить эти споры однозначно не представляется возможным. Тем более что они помогают и самим жителям Финляндии, и их соседям в России не сомневаться в том, что Финляндия — «лучшая страна в мире», направляя основное внимание на решение вопроса о том, является ли Финляндия «лучшей в мире страной» благодаря У. К. Кекконену (Александрю I, Александрю II, В. И. Ленину, К. Г. Маннергейму и т. д.) или вопреки его деятельности.

Литература

Заостровцев А. П. Россия: жизнь после 2013 года. Препринт М-51/16. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016 (Серия; Центр исследований модернизации). URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_51_16.pdf (дата обращения 28.11.2017).

Ленин В. И. Великий почин. Напечатано в июле 1919 г. отдельной брошюрой, изданной в Москве Государственным издательством. Цит. по: Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 5–29.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992.

Лу Э. Лучшая страна в мире / пер. с норвежского. М.: Азбука-классика, 2002.

Разуваев А. Алексей Кудрин призвал бороться с бедностью // Investing.com. 2017. 27 ноября. URL: <https://ru.investing.com/analysis/article-200221259> (дата обращения 28.11.2017).

Твардовский А. Т. Стихотворения и поэмы в двух томах. М.: Художественная литература, 1951.

Травин Д. Я. Модернизация и реформация. Препринт М-60/17. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_60_17.pdf (дата обращения 28.11.2017).

Aho E., Pitkänen K., Sahlberg P. Policy development and reform principles of basic and secondary education in Finland since 1968. Washington, DC: World Bank, Education Working Paper Series 2, 2006.

Arter D. Social Democracy in a West European Outpost: The Case of the Finnish SDP // *Polity*. 1980. Vol. 12. No. 3 (Spring). P. 363–387.

Dahl R. A. Thinking about Democratic Constitutions: Conclusions from Democratic Experience // *Nomos*. 1996. Vol. 38: Political Order. P. 175–206.

Daveri F., Silva O., Lane P. R., Morton F. S. Not Only Nokia: What Finland Tells Us about “New Economy” Growth // *Economic Policy*. 2004. Vol. 19. No. 38 (April). P. 117–163.

Garner R. Finland Schools: Subjects Scrapped and Replaced with “Topics” as Country Reforms its Education System // *The Independent*. 2015. March 20.

Goldin C. D., Katz L. F. The Race between Education and Technology. Cambridge: Harvard University Press, 2009.

Gordon R. J. The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War. Princeton: Princeton University Press, 2017.

Haapala P. Kun yhteiskunta hajosi: Suomi 1914–1920. Helsinki: Painatuskeskus, 1995.

Hannula J. O. Suomen vapaussodan historia. Porvoo: Wsoy, 1938.

Heikkinen A. Perinneyhteisöstä kansalaisyhteiskuntaan: koulutuksen historia Suomessa esihistoriallisesta ajasta itsenäisyyden aikaan. Helsinki: Guadeamus, 1983.

Jalovaara V. “Do You Bring Peace?” Relations of Archbishop Ilmari Salomies and President of the Republic Urho Kekkonen During the Period of Crisis in Finnish Foreign Policy from 1958 to 1962 // *Kirchliche Zeitgeschichte*. 2006. Vol. 19. No. 1: Christliche Beiträge zur Europäischen Integration — Die politische Rolle der Kirchen / Christian Contributions to European Integration and the Political Role of the Churches. P. 19–32.

Jussila O. Finland and the Russian Duma // *Journal of Baltic Studies*. 1988. Vol. 19. No. 3 (Fall). P. 241–248.

Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosiaalidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki: Tammi, 1987.

Kiiskinen A. Problems of Regional Growth Differentials: Finnish Experiences // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1959. Bd. 83. P. 223–249.

Kirby D. Stockholm-Petrograd-Berlin: International Social Democracy and Finnish Independence, 1917 // *The Slavonic and East European Review*. 1974. Vol. 52. No. 126 (January). P. 63–84.

Kivirauma J., Ruoho K. Excellence through Special Education? Lessons from the Finnish School Reform // *International Review of Education*. 2007. Vol. 53. No. 3. P. 283–302.

Kotavaara O., Rusanen J. Urbanization and Transportation in Finland, 1880–1970 // *The Journal of Interdisciplinary History*. 2011. Vol. 42. No. 1 (Summer). P. 89–109.

Kuusela S. Tämä Suomi on rikkaiden maa // *Keskisuomalainen*. 2017. 14. kesäkuuta.

Lam K. For Whose Common Good? The Russian Philanthropic Society in Finland and the Challenges of Russian Language Education in Late Imperial Russia // *Region*. 2012. Vol. 1. No. 2. P. 255–283.

Lavery J. All of the President's Historians: The Debate over Urho Kekkonen // *Scandinavian Studies*. 2003. Vol. 75. No. 3 (Fall). P. 375–398.

OECD Statistics. Graduates by Field of Education. URL: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=RGRADSTY> (дата обращения 28.11.2017).

Readings B. The University in Ruins. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

Rinehart R. Finland's European Vocation // *Scandinavian Studies*. 2002. Vol. 74. No. 3: The Scandinavian Way to Europe. P. 427–440.

Sahlberg P. FinnishED Leadership: Four Big, Inexpensive Ideas to Transform Education. Thousand Oaks: Corwin Press, 2017.

Selleck R.G. Quaker Pioneers in Finnish Economic Development: James Finlayson and the Wheeler Family // *Quaker History*. 1962. Vol. 51. No. 1 (Spring). P. 32–42.

Singleton F. Finland, COMECON, and the EEC // *The World Today*. 1974. Vol. 30. No. 2 (February). P. 64–72.

Statistics Finland. Development of Productivity in the National Economy in 1976 to 2015. Helsinki: Edita Publishing Oy, 2016. URL: https://www.stat.fi/til/ttut/2015/ttut_2015_2016-11-30_en.pdf (дата обращения 28.11.2017).

Statistics Finland. Appendix table 2. Current account, monthly, EUR million. Published in September 2017. URL: https://www.tilastokeskus.fi/til/mata/2017/09/mata_2017_09_2017-11-15_tau_002_en.html (дата обращения 28.11.2017).

Sundbäck E. The Baltic States, Finland, and British Economic Expectations in the Early 1920s // *Journal of Baltic Studies*. 2002. Vol. 33. No. 3 (Fall). P. 307–321.

Valtasaari A., Henttonen A., Järvi L., Nurmi V. (toim.) *Kansakoulu 1866–1966*. Helsinki: Otava, 1966.

Дмитрий Ланко

**«Страна богатых и образованных»: образование как фактор
финского экономического чуда**

Препринт М-62/18
В авторской редакции
Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 6/1;
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 25.01.18.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

- Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.: СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.
- Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.
- Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.
- Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.
- Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.
- Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
- Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.: СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.
- Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
- Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.
- Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.
- Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.
- Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.
- Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.
- Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.
- Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.